

новыми наблюдениями Йиржи Поливка.²³ В настоящее время вопрос о чешском происхождении «Брунцвика» считается в научной литературе решенным, тем более что в польской письменности подобный памятник не зафиксирован.

Ни русская повесть, ни чешская хроника (для удобства изложения берем этот термин из заглавия «Брунцвика» в чешских рукописях и старопечатных изданиях) уже в течение долгого времени не были предметом специального исследования.²⁴ С момента выхода в свет публикации М. Петровского и статьи Й. Поливки, которые до сих пор остаются единственными серьезными работами по этому вопросу, прошло около семидесяти лет. Нынешние представления о «Брунцвике» основываются на выводах этих двух ученых, хотя даже количество известных сейчас русских списков повести — по сравнению с 12, использованными Й. Поливкой, — возросло в несколько раз. Только по данным библиографических справочников В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской, а также А. А. Назаревского их насчитывается 32, а это число, разумеется, не может быть принято как окончательное.

Состояние изучения чешской хроники о Брунцвике тоже нельзя признать благополучным. Сохранилось три списка хроники (XV—XVI вв.), причем два из них в рукописях соседствуют со «Штильфридом». Йозеф Юнгманн упоминал еще о «новой рукописи в Музее (Национальном Музее в Праге, — А. П.)»,²⁵ однако сейчас она, по всей видимости, утеряна. Из этих списков два неоднократно издавались,²⁶ третий не напечатан до сих пор.²⁷ Кроме того, известны и предполагаются многочисленные старопечатные издания второй половины XVI—начала XIX в., общим числом 18,²⁸ из которых четыре не сохранились.

Все три списка чешского «Брунцвика» в совокупности к сравнению с русскими текстами не привлекались — не говорим уже об изданиях, которые вообще в поле зрения исследователей попадали чрезвычайно редко. Между тем изучение как рукописных, так и старопечатных текстов чешской хроники является необходимой предпосылкой для выводов об оригинале русского перевода. Особенности русской повести, как признавали все занимавшиеся «Брунцвиком» ученые, известными чешскими текстами не объясняются. Детальное сравнение чешской хроники и русской повести о Брунцвике провел еще в 1890 г. Франтишек Прусик;²⁹ он признал,

²³ Jiří Polívka. Kronika o Bruncvíkovi v ruské literatuře. — Rozpravy České Akademie, roč. 1, třída III, čís. 5. Praha, 1892.

²⁴ Недавняя статья Алоиза Шмауса, посвященная целиком «Штильфриду», прямого отношения к проблемам усвоения повести о Брунцвике на русской почве не имеет, хотя для изучения чешского оригинала последней несомненно весьма полезна (Alois Schmaus. Zur Entstehungsgeschichte des altčechischen «Stilfrid». — Wiener slavistisches Jahrbuch, 3. Band. Wien, 1953, стр. 28—36).

²⁵ Josef Jungmann. Historie literatury české, 2. vyd. Praha, 1849, III, № 96, стр. 66.

²⁶ См.: Jan L o r i š. Sborník hraběte Baworowského. Praha, 1903, стр. 25—51; Václav H a n k a. Stará pověst o Stojmírovi a Bruncvíkovi, knížatech českých. Praha 1827; Karel Jaromír Erben. Výbor z literatury české, d. II. Praha, 1868, Jiří Polívka. Kronika o Bruncvíkovi v ruské literatuře, стр. 134—143 (752—761).

²⁷ Рукопись Государственного архива в Брно, сборник Бедка, № 47, лл. 13 об.—19 об. См.: Jan V i l i k o v s k ý. Zapomenutý rukopis Jiříkova vidění. — Listy filologické, 65. Praha, 1938, стр. 348—355; Výbor z české literatury od počátků po dobu Husovu, red. Bohuslav Havránek a Josef Hrabák. Praha, 1957, стр. 599.

²⁸ См.: Josef Jungmann. Historie literatury české, стр. 66; Zdeněk T o b o l k a. Knihopis českých a slovenských tisků od doby nejstarší až do konce XVIII. stol., D. II, č. IV, r. VI, sv. 95—109. Praha, 1948, №№ 4482—4498, стр. 199—201.

²⁹ František P r u s i k. Kronika o Bruncvíkovi. — Krok, IV, Praha, 1890.